

Алла Новикова-Строганова

«На все копыта кованы»:

«бесы» в родовом имени И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново и в романе Н. С. Лескова «На ножах»

Я видел Русь расшатанную, неучёную, неопытную и неискусную, преданную ученым злым и коварным, и устоявшую!

Н. С. Лесков. На ножах

Тургеневское творчество и само имя Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) были чрезвычайно дороги Николаю Семёновичу Лескову (1831–1895). Он отдавал дань глубокого уважения «сильному и свежему» таланту своего старшего литературного собрата и знаменитого земляка — писателя орловца. Показательно, что в лесковской «Автобиографической заметке» (1882–1885?) первым и главным из писательских имён было названо имя Тургенева. Его «Записки охотника» Лесков, знавший народ «в самую глубь», как «самую свою жизнь»¹, признал своего рода «учебником» жизни и литературного мастерства. Об этом «учительном» значении, а также о глубочайшем эмоционально-нравственном воздействии тургеневского цикла свидетельствует следующее лесковское признание: «Когда мне привелось впервые прочесть „Записки охотника“ И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством. Всё же прочее... мне казалось деланным и неверным» (XI, 12).

Тургеневское творчество — глубоко правдивое, не имеющее фальшивых нот, — было своего рода камертоном для Лескова. Более того — по словам сына писателя, Тургенев был для Лескова «литературным богом». Андрей Николаевич Лесков вспоминал: «Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего дома»².

Таким образом, Тургенев и его художественный мир постоянно занимали писательское сознание Лескова, были у него и на слуху, и на устах. Неудивительно, что эту «привязанность» он перенёс на страницы своих книг. Одно из наиболее весомых тому подтверждений — роман «На ножах» (1870–1871).

У романа сложная судьба. Он вызвал много толков и споров среди современников Лескова. Некоторые причислили его к «антинигилистическому» роду литературы, определили как роман-памфлет. Другие писали как о «типично бульварном произведении»³. Иные в пылу литературной

схватки даже зачислили «На ножах» в разряд «полицейско-эротических» сочинений⁴. Тенденциозная советская критика категорически отвергла это замечательное творение классика и на долгие десятилетия сделала его недоступным для читателя, скрыла непроницаемой завесой. Поныне роман не получил должной оценки. Его либо замалчивают, либо крайне осторожно определяют как «полемический», «антибуржуазный». Все указанные жанровые определения далеки от сути лесковского текста.

Прежде всего это религиозно-философское произведение, в основе которого — христианское миропонимание автора. Боль и молитва о Родине, вера в возрождение святой Руси определяют основной пафос романа «На ножах». Эпиграфом к нему могли бы послужить слова одного из его героев — Светозара Водопьянова: «Я видел Русь расшатанную, неучёную, неопытную и неискусную, преданную ученым злым и коварным, и устоявшую!» (9, 281)

Это особенно наглядно, если рассматривать лесковский роман сквозь призму межтекстовых связей. «На ножах» Лескова стоит в том же ряду «общественных романов» Тургенева («Отцы и дети»), Гончарова («Обрыв»), Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы»), отразивших всю остроту религиозно-нравственной, философско-мировоззренческой, социально-политической и литературно-эстетической полемики эпохи. На типологическое сходство «На ножах» с романами «В водвороте» Писемского и «Бесы» Достоевского, созданными в том же 1871 году, указывал сам Лесков: «Все мы трое сбились на одну мысль» (X, 293). Это единство — в русле тургеневского призыва: «Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ея».

1. Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. 11. — С. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.
2. Вестник литературы. — 1920. — № 7. — С. 6.
3. Амфитеатров А. В. Собр. соч. — СПб.: б/г. — Т. XII.
4. Журнальное обозрение // Дело. — 1871. — № 1. — С. 93.

Стержневая мысль, о которой говорил Лесков,—исследование содержания и современных трансформаций русского нигилизма. Решение этой ответственной идейно-эстетической задачи для писателя было немислимо без обращения к опыту Тургенева—«представителя и выразителя умственного и нравственного роста России», и прежде всего к его роману «*Отцы и дети*», в центре которого мощный образ нигилиста—«каланчи» (по образному выражению Д. И. Писарева)—Базарова. «Талантливым пером Тургенева обрисован Базаров, произнесено слово „нигилизм“» (X, 16),—подчеркнул Лесков вскоре после выхода «*Отцов и детей*». Далее писатель утверждал: «Я знаю, что такое настоящий нигилист» (X, 21). Ориентируясь на образ «сильного и честного Базарова» (X, 16), Лесков решительно отъединяет «истинных, настоящих нигилистов» от «нигилистствующих» (X, 22) и признаётся, что ищет «способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами» (X, 21). Эта «полезная сортировка» (X, 22) была произведена в романе «*На ножах*».

Писатель рисует образы не просто «новых», но уже «новейших» нигилистов-перерожденцев. Они выродились в буржуазных хищников, капиталистов, ростовщиков, мошенников, продажных газетчиков, брачных аферистов, подлецов, предателей, убийц—преступников всякого рода, попирающих человеческие и Божеские установления, не верующих «ни в Бога, ни в духовное начало человека»⁵. Модифицируют они и само наименование своего бывшего радикального направления, теперь именуя самих себя «*негилистами*». В основе этого лексического новообразования—слово «гиль» в значении «чепуха», «ерунда». Идейный «вдохновитель» экс-нигилистов Горданов «в длинной речи отменил грубый нигилизм, заявленный некогда Базаровым... а вместо сего провозгласил *негилизм*—гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что *негилистам* дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты» (9, 130).

Так «*Отцы и дети*» входят в «*На ножах*» в качестве своеобразного литературного фундамента. Тургеневский роман в деталях знают не только автор, но и его персонажи, которые также выступают как внимательные читатели Тургенева. Композиция образов героев во многом строится

через содержание их чтения. Горданов как персонаж-читатель, определяя свою жизненную позицию и способы поведения, «примеряет» на себя литературные образы: «Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежа не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собою довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всём своём убогстве Базаров, Раскольников и Маркушка Волохов, и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумён и слаб—неумён потому, что ссорился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред „богатым телом“ женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей» (9, 127).

В противовес своему герою—читателю романа Тургенева—Лесков трактует образ и личность Базарова иначе. В статье «*Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“*» (1863) писатель указал: «Тип Базарова многим нравится, многим не нравится. Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мусолить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму» (X, 16). Любовь, по мнению Лескова, не только не является признаком «слабости», но ещё более обогащает героическую личность.

Горданов же, наделённый inferнальными чертами, патологически не способен к любви, «никогда не чувствовал потребности любить» (9, 216). Сатанинская «гордыня»—в основе фамилии этого персонажа. «Гордашка»—так уничижительно называет его прямая и честная героиня романа Катерина Астафьевна Форова.

С точки зрения Святых Отцов Церкви, гордость—корень всех грехов и пороков. Преподобный Максим Исповедник именует самолюбие «матерью всех зол»: «Начало всех страстей есть самолюбие, а конец—гордость»⁶. Против «безумной гордости» направлено истовое по духовному накалу и совершенное в художественно-образном выражении Слово 23 «*Лествицы*» аввы Иоанна Лествичника: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человек, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина бешования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, безчеловечный судья, противница Богу, корень хулы»⁷.

В бесовском ослеплении Горданов кичится утратой божественного дара любви как сильной

5. Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т.—М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2004.—С. 763. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

6. Христианская жизнь по Добротолюбию.—М.: Свято-Данилов монастырь, 1991.—С. 121.

7. Св. Иоанн Лествичник. Лествица.—СПб.: Фонд «Благовест», 1996.—С. 156.

стороной своего характера. «Любовь—это роскошь, которая очень дорого стоит, а я бережлив и расчётлив» (9, 216),—цинично заявляет он, смешивая в этом высказывании «*Божие*» (любовь) и «*кесарево*» (деньги, расчёт, меркантильную выгоду). Глава, приоткрывающая сущность Горданова, называется «*Entre Chien et Loup*»—«В сумерках» (по Пушкину: «*Пора меж волка и собаки*»). Это скрытый, маскирующий, «сумеречный» тип хищника, удел которого—тьма, адская «бездна», призывающая «бездну» (9, 127).

Смерть Горданова в конце романа содержит реминисценцию из «*Отцов и детей*». Базаров умирает от заражения, полученного от случайного пореза пальца при анатомировании. Горданов получает заражение от укула в ладонь стилетом—орудием убийства, что приводит к ампутации руки. В то же время смерть ярко высвечивает принципиальную «разность» этих человеческих типов.

Базаровская роковая неосторожность была вызвана погружённостью героя в раздумья о силе судьбы и ничтожности земной жизни перед лицом вечности, о неразделённой любви, которая захватила всё его существо. Таким образом, смерть Базарова приобретает высокий трагический характер. Тогда как Горданов поранил руку во время предумышленного убийства Бодростина, которое стало конечной целью запутанной сети хитросплетений и интриг. Гордановское свидетельское показание «опять всё наново переплетало и путало» (9, 771), и в итоге он сам стал жертвой преступных козней и происков: был предательски-позорно отравлен сообщниками. Так проекция на финал «*Отцов и детей*» позволяет резко отграничить героический и трагический образ нигилиста Базарова от преступника-«негилиста» Горданова.

В роман «*На ножах*» вместе с образом Базарова входят и его последователи—«базаровцы» (9, 129), как называет их Лесков. По большей части они видоизменились в «гордановцев» (9, 133) и вполне отвечают характеристике, данной писателем в его статье, указанной выше: это «грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма» (X, 19). Им негде взять «базаровских знаний, базаровской воли, характера и силы» (X, 17). «Нигилиствующие» только внешне пытались копировать Базарова, не умея и не желая «дорастить» до сокровенной—героически-беззаветной и трагической—сути этого типа. Гражданское мученичество, готовность к самопожертвованию—то, что Лесков обозначил как «власяницу и вериги нигилизма»,—были отринуты ради «нынешнего спокойного, просторного и тёплого мундира». Горданову «нетрудно было доказать, что нигилизм стал смешон, что грубостью и сорванчеством ничего не возьмёшь; что похвальба силой остаётся лишь похвальбой, а на деле бедные новаторы,

кроме нужды и страданий, не видят ничего, между тем как сила, очевидно, слагается в других руках. <...> Все, желавшие снять с себя власяницу и вериги нигилизма, были за Горданова, и с их поддержкой Павел Николаевич доказал, что поведение отживших свой век нигилистов не годится никуда и ведёт к гибели» (9, 130). «Гордановцы» предательски отреклись от «истинных нигилистов»—«гражданских мучеников и страдальцев»: «Таких страдальцев в эту пору было очень много, все они были не устроены и все они тяжко нуждались во всякой помощи,—они первые были признаны за гиль, и о них никто не заботился» (9, 132).

В то же время сами экс-нигилисты с успехом мимикрируют и приспосабливаются к буржуазному устройству, органически с ним сливаясь: «Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой—капиталист; третий—известный благотворитель, живущий припеваючи за счёт филантропических обществ; четвёртый—спирит... пятый—концессионер, наживающийся на казённый счёт; шестой—адвокат... седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другою—порицает её» (9, 137),—Лесков выявил самые разнообразные типы продажных, беспринципных буржуазных дельцов—«деятели на все руки» сатанинской закваски.

Сущность их «направления» выразительно обобщает говорящая фамилия некоего «медицинского студента»—Чёртов:

«— Гм! Фамилия недурна!

— Да, и с направлением» (9, 160).

Это «направление», как смертельная зараза, распространяется бесами—губителями душ. Так, «медицинский студент Чёртов», ради заработка готовя ребятишек к поступлению в приходское училище, внедряет в детские головы и сердца безбожие, атеистическое презрение к Священному Писанию. Характерна зарисовка экзамена:

«— А Закон Божий знаешь?—встрел поп.

— Да коего лиха там знать-то!—гордо, презрительно, гневно, закинув вверх голову, рыкнул мальчуган, в воображении которого в это время мелькнуло насмешливое, иронически-честно-злое лицо приготавливавшего его студента Чёртова» (9, 160–161).

Этот ответ и ремарка к нему поневоле вызовут восклицание: «Отойти от меня, сатана!» (9, 160).

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от русской почвы приводят к тому, что бывшие «нигилисты» окончательно превратились в мошенников и авантюристов, преступников и злодеев, живущих по звериным законам борьбы за существование. Об им подобных закоренелых грешниках апостол Павел свидетельствовал, что «они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонаравия,

злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1:29–31). Таковы в лесковском романе Павел Горданов и Глафира Бодростина, «жид-ростовщик» Тишка Кишенский, «безнатурный» Иосаф Висленёв, его сестра—своенравная красавица Лариса, одержимая гордыней и себялюбием, «калмыцкая лошадь», которую только «калмык переупрямит» (9, 411). Показательна самохарактеристика «межумка» Висленёва, стоявшего когда-то во главе «студенческой партии», отвратившейся от Бога и Церкви: «все мы стали плуты» (9, 217).

В связи с этим снова возникает аллюзия на роман «Отцы и дети», где в знаменитой сцене идеологической «схватки» Базарова и Павла Петровича Кирсанова шёл спор о «принципах». Замышляя убийство, Горданов в беседе с Глафирой заявляет, что хочет говорить «совсем не о чувствах, а...». Она резко прерывает: «О принципах... Ах, пощади и себя, и меня от этого шарлатанства! Оставим это донашивать нашим горничным и лакеям» (9, 77). С неотвязным вопросом о «принципах» приступает к Горданову «суетливый и суетный» (9, 129) Висленёв: «Какому же ты теперь принципу служишь, так ты и не ответишь. <...> ...какой у нас теперь принцип? Его нет?» (9, 217) «Мы отрицаем отрицание» (9, 217),— следует витиеватый ответ с претензией на философичность.

В действительности употребляются другие—абсолютно неприкрытые, бесстыдные—установки на ограбление и развращение: «приехав сюда из Питера, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развить, а на то, чтобы кого-нибудь... обирать» (9, 48). В том же ряду—откровенно хищнические, звериные предписания: «всяк сам для себя, и тогда вы одолеете мир» (9, 147); «в жизни каждый ворует для себя. Борьба за существование!» (9, 142)

Теория «дарвинизма», применённая к человеческим отношениям, разрушает человека как «храм Божий» («*тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога*» (1 Кор. 6:20),—проповедовал апостол) и формирует «человека-зверя»: «Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плывёт в руки» (9, 142); «Глотай других, чтобы тебя не проглотили» (9, 132). Как погибельное следствие—морально-нравственная порча, духовная деградация, физическое разложение, безумие, убийство и самоубийство.

О неизбежном возмездии за греховное небрежение о душе и теле предупреждал апостол Павел: «*Разве не знаете, что вы храм Божий, и дух Божий живёт в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят*» (1 Кор. 3:16–17).

От свинского попрания образа Божьего в человеке предостерегал Господь в Нагорной проповеди: «*не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб*

они не попирали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6). Из Священного Писания известно, что бесы вошли в свиней, «*и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло*» (Лк. 8:33).

Бесовской участью чревата подмена христианской веры безбожной «верой в естественные науки», которая, кроме всего прочего, ведёт к неизбежной ограниченности, узости взглядов, скудоумию. Такова «скорбная головой девица» (9, 133) Анна Скокова, или Ванскок,—честная, прямолинейная, «рьяная», из разряда «древнего нигилистического благочестия» (9, 131). Изображая эту «староверку» «истинного нигилизма», Лесков прибегает к самоцитации, используя название своего очерка о раскольниках «*Слюдьми древлего благочестия*» (1863). Ванскок по-детски растеряна перед жестокими реалиями жизни: «Я прежде работала над Боклем, демонстрировала над лягушкой, а теперь... я ничего другого не умею: дайте же мне над кем работать, дайте мне над чем демонстрировать» (9, 132).

Налицо реминисценция завершения Базаровым знаменитого спора со старшим Кирсановым: «будем... лягушек резать» (7, 53). Лягушка как непременный объект естественнонаучных занятий и опытов нигилистов стала во многом благодаря тургеневскому роману их своеобразным символом. Лесков не обходит вниманием эту символику и атрибутику. Так, «истинный нигилист» из числа людей «базаровской» закалки майор Форов носит характерный брелок. Это «тяжёлая, массивная золотая лягушка с изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладком брюшке лягушки мелкою искусною вязью выгравировано: „Нигилисту Форову от Бодростиной“. Дорогая вещь эта находится в видимом противоречии с прочим гардеробом майора» (9, 27). Для бывшей нигилистки Глафиры Акатовой, ловко вышедшей замуж за старика-богача Михаила Андреевича Бодростина и усвоившей себе истину, что «повесившись, надо мотаться, а оторвавшись, кататься» (9, 81), как и для прочих «антигероев» романа, «борьба за существование не то что борьба за лягушку» (9, 147–148).

Воспринимая литературу как художественную реальность, Лесков конструирует некоторые собственные образы, рассчитывая на быстрое «литературное» узнавание. Так, о принадлежности майора Форова и девицы Ванскок к базаровскому типу нигилистов старой закалки свидетельствуют «тургеневские» речевые отражения: «Но вот кто совсем не изменяется, так это Филетёр Иванович!—обратился Висленёв к майору.—Здравствуйте, мой „грубый материалист“!» (9, 36) Отзвук-напоминание об «обнажённой красной руке» Базарова, ставшей приметой нигилистов-разночинцев, содержится в обращении Горданова к Ванскок,

когда он пожимает «грязноватую руку девушки»: «Давайте вашу лапу!» (9, 151)

В романе «*На ножах*» имеются и другие формы наличия «тургеневского слова», а также разнообразные способы его включения в лесковский текст. Приём косвенного присутствия тургеневской образности обнаруживается в повествовании, раскрывающем предысторию Павла Горданова — внебрачного ребёнка богача Бодростина и московской цыганки. Незаконный сын знатного помещика имел солидное денежное содержание, получил хорошее образование, однако никогда не знал ни родных, ни отчего дома, отданный на воспитание сначала акушерке, потом в пансион, а затем в университет. «В жизни его было только одно лишение: Горданов не знал родных ласк и не видал, как цветут его родные липы» (9, 128–129), — пишет Лесков.

Образ «родных лип», несомненно, восходит к Тургеневу. Эта реминисценция, используемая в тексте лесковского романа без кавычек, говорит о том, что липы стали восприниматься как устойчивый знак «дворянского гнезда», отголосок тургеневских романов. Так, в романе «*Рудин*» (1855) Тургенев художественно запечатлел, словно с природы, свой усадебный сад, который «доходил до самой реки. В нём было много старых липовых аллей, золотисто-тёмных и душистых, с изумрудными просветами на концах»⁸. Заметим также, что симпатичная автору героиня носит фамилию Липина.

В «*Дворянском гнезде*» (1858) липы растут в саду Калигиных; «тень от близкой липы» (6, 81) окружает Лизу и Лаврецкого в его имении Васильевское.

По всей вероятности, Лесков был наслышан о знаменитых липовых аллеях в виде римской цифры «XIX» в парке родового имения Тургенева Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Перифразу «родные липы» в значении родительского дома, домашнего очага Лесков употребил уже в первой своей повести «*Овцебык*» (1862), в её лирико-автобиографических главах: «я снова очутился под родными липами. Дома в это время не произошло никаких перемен... выросло несколько новых липок» (1, 64–65).

Воспитание и формирование человека вне семейной атмосферы родного «гнезда» Лесков считает неполноценным, обеднённым, ущербным. По-видимому, духовное оскудение, голый рационализм и звериный практицизм Горданова во многом проистекают из этого источника: «он с отроческой своей поры был всегда занят самыми серьёзными мыслями, при которых нежные чувства не получали места. Горданов рано дошёл до убеждения, что все эти чувства — роскошь, гиль, путы, без которых гораздо легче жить на белом свете, и он жил без них» (9, 129).

В романе «*На ножах*» встречаются непосредственные указания на тургеневские произведения.

Так, Лесков обобщает разноречивые неодобрительные отклики современников о романе «*Накануне*», опровергнутые самой жизнью: «Когда в русской печати после прекрасных произведений, „бедных содержанием“, появилась повесть с общественными вопросами („*Накануне*“), читатели находили, что это интересная повесть, но только „нет таких людей, какие описаны“. <...> ...узнавали только нечто похожее на действительность, но гневались на недостатки, на неполноту и недоконченность изображения и потом через несколько времени начинали узнавать в нём родовые и видовые черты» (9, 577). Лесковские герои также апеллируют к тургеневскому творчеству как к серьёзной аргументации. Например, в споре о подлинном и фальшивом Глафира ссылается на эпизодическую героиню Кору, о которой составила «понятие по тургеневскому „*Дыму*“» (9, 313).

Одним из распространённых способов включения «тургеневского слова» в текст является цитирование — явное или скрытое — собственное автором или его героями, как, например, в следующем эпизоде. Попав в контору к своему бывшему соратнику по «нигилистической партии» Тихону Кишенскому, Горданов ощутил, как в нём «шевельнулась дворянская гордость пред этим ломанием жидка» с его «невозмутимым, но возмущающим голосом, которым непременно научаются говорить все разбогатевшие евреи» (9, 168). Не без удивления Горданов обнаруживает, насколько ловко Тишка сумел «подковыряться на все копыта» — материально обезопасить себя от превратностей жизни. Хозяина раболепно охраняют подобный ему рыжий чубастый лакей и «ещё более решительный рыжий бульдог» (9, 167).

Мысленно оценивая нынешнее прочное финансовое положение продажного газетчика и ростовщика, «отец которого, по достоверным сведениям, продавал в Одессе янтарные мунштуки» (9, 168), Горданов прибегает к неточному цитированию тургеневского романа «*Дворянское гнездо*»: «Ему уже нечего будет сокрушаться и говорить: „здравствуй, беспомощная старость, догорай, бесполезная жизнь“» (9, 167). В эпилоге романа Тургенева читаем: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!» (6, 158)

Неточность цитаты объясняется, скорее всего, не пробелами в памяти Горданова, а тем, что жизнь Кишенского нельзя назвать «одиноким». Он уже успел обзавестись многочисленным потомством, в том числе и от сожительства со своей фавориткой и «деловым партнёром» по кассе ссуд Алинкой Фигуриной. Обокравшая собственного отца, по

8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978–1982. — Сочинения в 12 т. — Т. 5. — С. 217. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

безжалостности, наглости, изобретательности в сфере жупльнических трюков и махинаций она вполне под стать своему любовнику. «Алина! Ты гениальна!» (9, 212)—восхищается своей криминальной подельницей Кишенский. Высшая степень его восторга: «Алинка!.. Ты чёрт!» (9, 212)—весьма показательно вскрывает собственную бесовскую сущность этого персонажа.

О ему подобных в русском народе сложились записанные В. И. Далем пословицы: «Бесы и жида—дети сатаны»; «С жидом знаться—с бесом связаться»⁹. «Видимыми бесами» назвал иудеев в пятом веке святитель Кирилл, патриарх Александрийский; «самые души иудеев есть жилища демонов»¹⁰,—утверждал святитель Иоанн Златоуст.

В Евангелии от Иоанна повествуется, как Господь Иисус Христос обличил сатанизм иудеев: «*Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего*» (Ин. 8:44); «*Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога*» (Ин. 8:47). От общения с подобными безбожниками предостерегал апостол Павел: «*Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?*» (2 Кор. 6:14)

В «Истории русской литературы» небезосновательно отмечалось, что Лесков избличает «подлые проделки журналиста-ростовщика Кишенского, промышленяющего в пореформенное время куплей-продажей закабалённых им живых душ»¹¹. Так, при помощи замысловатых «каторжных сплетений» (9, 47), придуманных Гордановым, Кишенский сумел завлечь в пожизненную долговую западню и буквально поработить бесхитростного до детскости русского дворянина Висленёва. Запутав его в свои злокозненные сети, действуя шантажом и угрозами, Кишенский выдаёт свою «чертовку»-сожительницу Алинку замуж за Висленёва, вынуждая его таким образом прикрыть честной русской фамилией жидовских «щентяков» (9, 150)—отпрысков блудодояния. Висленёв, увязший в хитросплетениях «ростовщика, процентщика», запоздало сокрушается: «А имя моё? И ведь все знают, а дети, чёрт их возьми, а дети... Они „Висленёвы“, а не жида Кишенские»

(9, 46). «Дай жиду волю—заберёт тебя в неволю»; «Не мешаются жида с самарянами, зато часто с дворянами»¹²,—подмечено в русских пословицах.

Лесков разоблачил один из распространённых способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных экс-нигилистам еврею Кишенскому и Павлу Горданову. Таким, как они, «нужен столбовой дворянин» (9, 160), в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно—знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями добродетели, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне.

«*Не можете служить Богу и мамоне*» (Лк. 16:13),—говорит Господь. «*Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской*» (1 Кор. 10:21),—наставляет апостол.

О трудности распознавания добра и зла учил святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло, совершаемое свободными тварями, по необходимости паразитарно живёт на теле добра, ему необходимо найти себе *оправдание*, предстать облечённым в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует „обманом“, прикрываясь добром»¹³. Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову»¹⁴.

О чужеродном кабалном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые Отцы—христианские подвижники.

В этой связи наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «*Овцебык*» (1862) обращался к тем так называемым «благодетелям» народа, у которых слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Всё на язычничестве выезжают, а на дело—никого. Нет, ты дело делай, а не бреш. <...> ...эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

Возвращаясь к лесковскому роману, зададимся вопросом: почему элегический эпилог одного

9. См.: Русские писатели о евреях. Составитель В. И. Афанасьев.—М.: Книга, 2005.—С. 431—436.

10. *Св. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений* в 12 т.—М., 1991.—Том 1.—Книга 2.

11. *История русской литературы*.—Л.: Наука, 1982.—Т. 3.—С. 285.

12. См.: Русские писатели о евреях. Составитель В. И. Афанасьев.—М.: Книга, 2005.—С. 431—446.

13. *Старец Силуан. Жизнь и поучения*.—М.; Новоказачье; Минск, 1991.—С. 107—108.

14. Там же.—С. 108.

из самых одухотворённых романов Тургенева «*Дворянское гнездо*» используется в ситуации, связанной с тёмным, преступным образом Кишенского?

Тишка Кишенский не только скаредный ростовщик, держатель ссудной кассы, но и коррумпированный газетчик, умудрившийся сотрудничать одновременно в трёх разных изданиях противоположных общественно-политических направлений. Одну из своих пасквильных статей он озаглавил «*Деятель на все руки*» (9, 233). Название как нельзя лучше подходит к нему самому и его разнообразной «деятельности». Этот «ростовщик, революционер и полициант» (9, 166), «подлый жид» (9, 138), как не раз его именуют в романе, нажил свой капитал аферами и предательством, в том числе сотрудничая с полицией в качестве провокатора и шпиона.

Зловещая фигура Кишенского никоим образом не соотносится с благородным образом русского патриота, дворянина Лаврецкого, чьи слова, мысленно произнесённые «хотя с печалью, но без зависти, безо всяких тёмных чувств, в виду конца, в виду ожидающего Бога» (6, 158), процитировал Горданов.

Очевидно, «*Дворянское гнездо*», как и другие произведения Тургенева, после прочтения которых «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора»¹⁵, выступают в подтексте романа Лескова в качестве морально-нравственного противовеса злодейскому миру безнравственных и бездуховных людей, преступно уничтоживших в себе Божеское начало.

Таким образом, проекция на тургеневское творчество, цитаты, аллюзии, реминисценции, перифразы, мотивы и образы не только позволяют реконструировать читательский опыт персонажей Лескова, но и выполняют характерологические функции. Соотношения в художественном мире Лескова своего и «тургеневского» слова предоставляют возможность выявить речевую индивидуализацию, психологические особенности героев, выбор ими способа поведения и самого образа жизни. Тургенев и его творчество вплетаются в художественную ткань романа «*На ножах*» как положительный идеал, позитивный и высокий ориентир, противостоящий низменной морали дельцов нового толка.

О «многослойности» романа «*На ножах*» свидетельствует ещё один историко-литературный факт. К нему обращает фамилия Кишенский, вокруг которой возникает целое ассоциативное поле. Известно, что в творчестве Лескова, который любил, чтобы «кличка была по шерсти», сложилась своеобразная концепция заглавий и обоснования имён. Писатель признавал способность имени выразить внутреннюю суть человека.

Лексико-семантический ключ фамилии лесковского персонажа обнаруживается в украинском слове «кишеня», что в переводе означает «карман». (К слову, в настоящее время на Украине «Велика кишеня» (в дословном переводе — «Большой карман») — наименование крупнейшей сети розничной торговли и супермаркетов, поглощающей своих конкурентов.)

Кроме того, этимология фамилии «жида Тишки Кишенского» уходит корнями в иврит и идиш. «Кишене» на идиш — «карман». На иврите слово «кис» также означает «карман». Созвучие с ивритским «кэсэф» — серебро, деньги — неслучайно. Дизайнерский атрибут верхней одежды предназначен в первую очередь для хранения денег (ср.: карманные деньги).

В статье Тургенева «*Человек в серых очках*» (1879) отмечено следующее: «Сила и цвет того жидовства, которое теперь завладело всеми карманами целого мира и скоро завладеет всем остальным. У кого карман в руках, у того и женщина; а у кого женщина, у того и мужчина» (11, 101).

«Всякий жид в наш карман глядит»¹⁶, — подметила народная поговорка. В русской фразеологии «карман» синонимичен слову «кошелёк». Для сравнения: держи карман шире; тугой карман (или: тугой кошелёк, тугая кошница) — о наличии у кого-либо больших денег; тощий (пустой) карман (или кошелёк) — об отсутствии или недостатке денег у кого-либо; набить карман (или кошницу) — разбогатеть, нажиться и т. д.

Делец, купец, «муж кармана» (1, 85) — «загребущая лапа» — набивает свой карман, свою кошницу. Он, по словам Лескова в очерке «*Пресыщение знатностью*» (1888), «мошной вперёд прёт» (XI, 187). «Мужи кармана», «прибыльщики» и «компанейщики» (XI, 187) — так именовал писатель капиталистов, буржуа, банкиров, ростовщиков. Против их бесстыдных спекуляций Лесков выступал уже в ранней публицистике, а также в первом своём большом беллетристическом произведении — повести «*Овцебык*». Именно здесь впервые появляется образ капиталиста — «мужа кармана» — Александра Ивановича. Главный герой повести — чистый сердцем и помыслами бывший семинарист Василий Богословский — с горечью вынужден признать: «Некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь» (1, 85). Впоследствии пессимистическое слово-образ «некуда» стало названием романа Лескова «*Некуда*» (1863).

Поэтика и символика онима «Кишенский» значением «муж кармана» не исчерпывается. Фамилия персонажа, извещающего в мощеннических .....

15. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1965–1977. — Т. 18. — Кн. 1. — С. 212.

16. См.: Русские писатели о евреях. Составитель В. И. Афанасьев. — М.: Книга, 2005 — С. 431–446.

махинациях и тёмных интригах, не может не вызывать зрительную ассоциацию с отвратительным клубком кишаших змей. Это впечатление дополняет аллитерация шипящих и свистящих звуков имени и фамилии «Тихон Кишенский».

Звуковые ассоциации, вызываемые именем, также значимы в поэтике писателя. Это подтверждает лесковская публицистика, поднимающая проблему исследования имён. Так, в статье «*О русских именах*» (1883) Лесков называет славянские имена «приятными для слуха»¹⁷. Писатель призывает способствовать «отрадному возвращению народного вкуса к именам приятного, родного звука и понятного значения»¹⁸.

Таким образом, Лесков чутко различает «своё—чужое» в ономастике. Инородными именами, как правило, наделяются у него отрицательные персонажи, далёкие от Бога, народа и Родины. Так, например, «аляповатые и малопривлекательные» нигилисты в романе «*Обойдённые*» (1865) награждены «отменно неблагозвучными нарицаниями—Выврвич и Шпандорчук»¹⁹.

В чужеродной фамилии «Кишенский» также нет ни «родного звука», ни сразу «понятного значения»; приятной для слуха её также не назовёшь. Семантика слухового и зрительного образа «кишаших змей» уводит далее к библейской и метафизической образности—змея-искусителя, врага рода человеческого, сатаны. В романе «*На ножках*» Тишку Кишенского сопровождают признаки инфернальности. Он представлен не просто как «вёрткий фельетонист, шпион, социалист и закладчик» (9, 474) со своими «жидовскими слабостишками» (9, 150), ведущий «дело по двойной бухгалтерии» (9, 150). Его тёмные деяния показаны Лесковым как действие адской силы—«незримая подземная работа» (9, 183), «затемняющая» и «перетемняющая» людей, с которыми он привык «торговаться по-жидовски» (9, 175). Дворянин Висленёв, запутанный в сатанинские тенёта Кишенского, чувствует, что «вокруг него всё нечисто: всё дышит пороком, глелью, ложью и предательством» (9, 191).

Таким образом, Кишенский вовсе не второстепенный персонаж, якобы не заслуживающий внимания, каким хотят представить его некоторые

.....

17. Лесков Н. С. О русских именах // *Новости и Биржевая газета*.—1883.—№ 245.
18. Лесков Н. С. Календарь графа Толстого // *Русское богатство*.—1887.—№ 2.—С. 196.
19. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т.—М.: Худож. лит., 1984.—Т. 1.—С. 372.
20. Тургенев И. С. Полн. собр. сочинений и писем: В 28 т.—М.; Л.: АН СССР, 1960—1968.—Письма: В 13 т.—Т. 5.—С. 310. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы—арабской.

исследователи. Наоборот, он играет ключевую роль в развитии действия, но незримо, подпольно. Пуская в ход целый арсенал обманных маскирующих ухищрений, Кишенский со своими бесовскими уловками и кривляньями, окутанный мраком, становится почти невидимым в этой преднамеренно напущенной им тьме.

Так философия имени в романе Лескова намного сложнее, чем может представиться на первый взгляд. Фамилия является иносказанием, функционально-оценочной характеристикой персонажа.

Лесков избегал «плакатных» именовании для своих героев. В то же время его внимание привлекали особенные имена и фамилии. Морфологически и фонетически необычная фамилия «Кишенский» позволяет высказать гипотезу о том, что она не выдумана писателем, а могла быть ему знакома, была у него на слуху.

В те же годы, когда Лесков работал над романом «*На ножках*», именными Тургенева с конца 1866 года до середины 1870-х годов управлял Никита Алексеевич Кишинский, о нечестности которого молва распространилась весьма широко. Можно предположить, что Лескову («В литературе меня считают орловцем»,—неоднократно подчёркивал он), не прерывавшему связей со своей «малой родиной», были известны эти факты, представляющие не только филологический, но и социально-исторический интерес. Нечистый на руку управляющий Тургенева, который распоряжался таким образом, что буквально разорил писателя, мог послужить одним из реальных прототипов Кишенского в романе «*На ножках*».

Из обширной переписки Тургенева с Кишинским явствует, что писатель безраздельно доверял своему управляющему, в котором желал видеть «честного и деятельного человека»²⁰ (v, 310) («*деятеля на все руки*»—в хорошем смысле). Письмо Тургенева к Кишинскому от 3 (15) апреля 1867 года заканчивается следующим обращением: «прошу Вас знать одно: я никогда не доверяю вполнину, а Вам я доверяю, а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно своё дело» (vi, 220).

Кишинский действительно «не смущался ничем», беззастенчиво пользуясь в своекорыстных интересах оказанным ему безграничным доверием, и за время своего управления нанёс всемирно известному русскому писателю большой материальный ущерб; махинациями приобрёл себе земли и имение Сидоровку.

А. А. Фет, другие друзья и соседи Тургенева по орловскому имению предупреждали писателя о злоупотреблениях Кишинского. Тургенев отвечал Фету из Буживаля: «Не сомневаюсь в том, что Кишинский нагревает себе руки» (x, 143). В то же время писатель долго не мог поверить в нечестность своего управляющего, относя известия

об этом в разряд досужих сплетен. «Не можете ли Вы—под рукой, но достоверно—узнать, где и какое он купил имение?—спрашивал Тургенев Фета.—Сплетников, Вы знаете, у нас хоть пруд пруди» (х, 143).

Даже убедившись вполне, что происки Кишинского не пустые слухи, писатель сохраняет доброжелательное отношение к своему управляющему. С добросердечием, открытостью и доверчивостью Тургенев по-человечески стремится найти оправдания хищениям его имущества. В ответ на не дошедшее до нас письмо Кишинского, в котором тот, очевидно, пытался «замести следы», Тургенев писал: «Сплетни, о которых Вы упоминаете, напрасно Вас тревожат. Вы знаете довольно мой характер: я на такого рода заявления совершенно неподатлив. Я нахожу совершенно естественным и благоразумным, что Вы позаботились о приобретении себе недвижимой собственности—это Ваш долг как семейного человека. <...> Впрочем, благодарю Вас за Вашу откровенность. <...> А потому, повторяю, Вам тревожиться нечего. <...> Фет написал мне о приобретении Вами земли, но я оставил это без ответа» (х, 176); «Вы можете быть совершенно спокойны насчёт сплетен по поводу забранных Вами материалов... <...> Я не имею привычки обращать на них внимания—и коли доверяюсь, то вполне. Доверие моё к Вам именно такого рода» (х, 318).

Подобных заверений немало в письмах Тургенева к Кишинскому. Однако вряд ли по ним можно судить о недалёковидности либо житейской непрактичности писателя. Скорее, это свидетельствует о благородстве его натуры, о неизменной вере в торжество добрых начал человеческой природы.

В то же время Тургенев начинал догадываться о нечистоплотном ведении его дел Кишинским. Несколько раз писатель просил избавить его капитал от «жидовских процентов» (х, 300). Справедливо подозревая о махинациях со своим имуществом, писатель вынужден был обратиться к брату Н. С. Тургеневу с просьбой проконтролировать действия управляющего: «Побывай в Спасском или выпиши к себе в Тургенево Кишинского, и пусть он тебе растолкует хорошенько, какую операцию он намерен предпринять... чтобы избежать жидовских (11!) процентов Тульского банка. <...>. мне кажется неслыханным, чтобы под залог недвижимого имения безо всякого долга драли такие проценты!» (х1, 40)

Адресуясь с тем же вопросом к Кишинскому, Тургенев настойчиво и, по всей видимости, уже не в первый раз («...мне приходится только повторить мою просьбу» (х1, 46)) требует: «...изложите мне в подробности... какого рода перезалог Вы хотите предпринять... для того, чтобы избавиться от процентов, справедливо названных Вами жидовскими,—и как Вы от них избавитесь—и почему

(что для меня особенно неудобопонятно) при закладе недвижимого и хорошего имения в банке приходилось заплатить такие громадные проценты?» (х1, 46)

Обращает на себя внимание, что это письмо писатель уже не подписывает «преданный Вам Ив. Тургенев» или «доброжелатель Ваш Ив. Тургенев», как неизменно на протяжении нескольких лет он заканчивал свои послания Кишинскому. На этот раз он ограничивается только сухой подписью «Ив. Тургенев» без выражения каких-либо уверений и чувств.

Месяц спустя Тургенев, не получив вразумительного ответа от Кишинского, который, видимо, пытался запутыванием дела ввести писателя в заблуждение, скрыть жульничество, снова обращается к управляющему: «Не могу, однако, не заметить, что факт платежа 11 процентов под залог недвижимого, чистого от долгов, отличного имения... мне представляется чем-то чудовищным!! <...>... я брожу, как во тьме,—и знаю только одно: имение моё заложено за какие-то жидовские проценты. Пожалуйста, потрудитесь всё это мне хорошенько растолковать и в исполнение моей просьбы отвечать отдельно на каждый вопрос» (х1, 60–61).

Однако Кишинский не торопился прояснить ситуацию, и в новом письме к нему снова находим недоумения Тургенева: «Вы на мои запросы не давали прямого ответа» (х1, 69). Всё это не может не вызвать в читательском сознании ассоциацию с тёмными финансовыми спекуляциями «жидаростовщика» Тишки Кишенского в романе Лескова «На ножах».

Нельзя не изумиться деликатности и человеческой порядочности Тургенева. Даже в «чрезвычайной ситуации», когда обнаружились документальные свидетельства против Кишинского, Тургенев всё ещё опасается обидеть управляющего несправедливым подозрением, продолжает быть с ним неизменно корректным и сугубо тактичным. Так, изучив приходно-расходные ведомости, красноречиво свидетельствующие об истинном положении дел, писатель адресуется к своему управляющему с прежней искренностью: «Я намерен сообщить Вам все соображения, которые были возбуждены во мне эти[ми] ведомостями, в полной уверенности, что Вы не усмотрите в моей откровенности ничего похожего на недоверие или сомнение; сама эта откровенность обусловливается убеждением, что я имею дело с человеком вполне честным, к которому следует относиться с обычной во мне прямоютою. <...>... выходит, что расход равняется почти приходу—и можно сказать, что овчинка не стоит выделки. Обо всём этом необходимо основательно потолковать во время моего приезда в Россию. <...> Ещё раз повторяю Вам, что Вы не должны видеть ничего для Вас неприятного в откровенных моих объяснениях» (х1, 169–170).

Вскоре после этого Тургенев решает поступить так, как учит в пословице русская народная мудрость: «Верь своим очам, а не жидовским речам»²¹. По приезде писателя в Спасское летом 1876 года Кишинский произвёл на него совершенно иное впечатление, чем при знакомстве в Петербурге в марте 1867 года, когда П. В. Анненков порекомендовал Тургеневу нового управляющего. После первой встречи с Кишинским Тургенев писал Полине Виардо: «Он мне нравится—это человек с энергичным открытым лицом, смотрит прямо в глаза» (VI, 166). Теперь от Тургенева не укрылись лицемерие и неискренность управляющего. Впечатление некой поддельности, ненатуральности создаёт сама его внешность. «Бородач Кишинский только потрясает своей бесконечно густой бородой и выставляет фальшивые зубы—от него толку мало» (XI, 282),—пишет Тургенев из Спасского И. И. Маслову.

На месте, в своём «родимом гнезде» (XI, 282), писатель, наконец, смог воочию убедиться в справедливости давно распространявшихся толков о злоупотреблениях и мошеннических махинациях своего управляющего.

Сложилась ситуация, в реальности воспроизводившая новозаветную притчу про «управителя неверного» (Лк. 16:8): «*один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчёт в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять*» (Лк. 16:1–2); «*неверный в малом неверен и во многом*» (Лк. 16:10).

К чести Тургенева, не раздумывая, он обратился к решительным мерам: «...я вынужден произвести завтра, в воскресенье, своего рода государственный переворот и свергнуть моего Абдул-Азиза, г-на Кишинского, оказавшегося мошенником, которого я поймал с поличным. <...>...если я его ещё оставлю тут, он оберёт меня дочиста» (XI, 628–629).

В письмах того же периода к П. Ф. Самарину, А. М. Щепкину Тургенев также именует Кишинского «Абдул-Азизом» (XI, 292; 294), сравнивая своего управляющего с турецким султаном, расхищавшим государственную казну. Помимо того, восточное имя, отягощённое такими неприглядными историческими ассоциациями, в среднерусском духовном пространстве производит впечатление чего-то постороннего, инородного. «Абдул-Азиз» по сути своей чужероден среднерусской усадьбе, расположенной в самом сердце России, и не способен праведно ею управлять.

Согласно официальной версии, реальный Абдул-Азиз покончил с собой, вскрыв себе вены

ножницами. В записке к А. М. Щепкину Тургенев говорит, что ему «удалось свергнуть Абдул-Азиза, не прибегая к ножницам» (XI, 294).

Упоминание об остром, в данном случае—смертоносном, предмете в реально-историческом контексте порождает зеркальную литературную ассоциацию—опять-таки с романом Лескова, героем которого пребывают друг с другом «*на ножах*». В частности, о Кишенском сказано, что «долговременная жизнь на ножах отуманила его прозорливость и отучила его от всякой искренности» (9, 475). Лесковская характеристика литературного персонажа прямо соотносится с реально существовавшим Кишинским, который утратил остроту и почти в открытую грабил Тургенева. «Надо Вам сказать,—писал Тургенев Ю. П. Вревской,—что я выезжаю из Спасского разорённым человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца-управляющего, которому я имел глупость слепо довериться; я его прогнал» (XI, 295).

Писатель вынужден был не просто уволить «грабителя Кишинского» (XI, 300), но и выдать официальную доверенность на его уголовное преследование. В этом документе Тургенев устанавливает список преступлений своего управляющего: «...оказалось, что г. Кишинский произвёл разные растраты принадлежащих мне сумм и имуществ, совершил недобросовестные контракты и, вообще, допустив злоупотребления и беспорядки, причинившие мне существенный вред и убытки, обманул, таким образом, вполне данную ему от меня доверенность. Вследствие сего я прошу Вас принять на себя труд преследовать по законам г. Кишинского в порядке гражданского или уголовного судопроизводства» (XI, 358–359). Было ли возбуждено уголовное дело в отношении Кишинского, до настоящего времени остаётся неизвестным.

Кишенский в романе Лескова «*На ножах*» сумел остаться в тени, уголовному преследованию и Божьей каре подверглись другие его сообщники и жертвы.

Явную оппозицию тёмным силам составили любимые герои Лескова, исповедующие христианские идеалы любви, милосердия, деятельного добра: праведница Александра Ивановна Синянина, «испанский дворянин» Андрей Подозёров, священник отец Евангел. Как скрытую оппозицию тёмному, безлюбивому, безбожному миру в архитектонике «*На ножах*» можно рассматривать творчество Тургенева, который, по справедливому суждению М. Е. Салтыкова-Щедрина, пробуждал в людях «чувства добрые»: «Это были не какие-нибудь условные „добрые чувства“, согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие „добрые чувства“, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты»²².

21. См.: Русские писатели о евреях. Составитель В. И. Афанасьев.—М.: Книга, 2005.—С. 431–436.

22. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.—М.: Худож. лит., 1965–1977.—Т. 9.—С. 458.

Текстуальные связи романа Лескова «*На ножах*» и творчества Тургенева свидетельствуют о глубоком проникновении художников слова в истинную сущность изображаемого; помогают понять, как сквозь зеркальную призму тургеневского и лесковского творчества проступает неисчерпаемая сложность жизни, как «мимотекущий лик земной» соотносится с вечным, непреходящим.